

ЮКИО МИСИМА

Впервые на русском!

ПРЕКРАСНАЯ ЗВЕЗДА

В ПЕРЕВОДЕ
СЕРГЕЯ ЛОГАЧЕВА

18+

В этой космологической притче у маленьких людей заводятся грандиозные (и ужасные) мысли, а простейшие поступки приоткрывают панораму столкновения миров.

THE TIMES

Большой роман (Аттикус)

Юкио Мисима

Прекрасная звезда

«Азбука»

1962

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Мисима Ю.

Прекрасная звезда / Ю. Мисима — «Азбука», 1962 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-33359-8

Однажды тихой ноябрьской ночью ничем не примечательное семейство – мать, отец, сын и дочь – поехали на гору Ракан, чтобы вместе увидеть летающие тарелки. Летающие тарелки показываются только инопланетянам, а члены семейства недавно узнали, что прибыли с разных планет: отец с Марса, мать с Юпитера, сын с Меркурия, а дочь с Венеры. Теперь перед ними стоит неподъемная задача: в разгар холодной войны спасти планету Земля от ядерной катастрофы. Однако не все инопланетяне, тайно живущие на Земле, желают своему временному дому добра... Юкио Мисима (1925–1970) – звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические взгляды, харакири после неудачной попытки монархического переворота). «Прекрасная звезда» – его единственный фантастический текст, написанный отчасти под впечатлением от Артура Кларка, отчасти в традициях театра но, и сам Мисима считал его одним из лучших своих романов. В 2017 году роман был с успехом экранизирован японским режиссером Дайхати Ёсидой с Аи Хасимото и Кадзуя Камэнаси в главных ролях. В «Прекрасной звезде» на человечество с космических высот взирают инопланетяне, отринувшие иллюзию своей приземленности, и хотя не все они благожелательны, надежда у человечества все-таки есть. Впервые на русском!

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-33359-8

© Мисима Ю., 1962

© Азбука, 1962

Содержание

1	7
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юкио Мисима

Прекрасная звезда

Yukio Mishima
UTSUKUSHII HOSHI

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1962
All rights reserved

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© С. И. Логачев, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

1

В один из дней середины ноября, когда уже миновала полночь, из гаража богатого старого особняка в городке Ханно, префектура Сайтама, с фырканьем выполз «фольксваген-жук» модели тысяча девятьсот пятьдесят первого года. Стояла безоблачная ночь. Холодный двигатель пришлось разогреть несколько минут, прежде чем автомобиль был готов ехать. Все это время сидевшие в нем люди беспокойно оглядывались по сторонам.

Простой гараж для купленного подержанного автомобиля построили на территории особняка совсем недавно. В конце бамбуковой решетчатой ограды, знававшей лучшие дни, повесили выкрашенные синей краской ворота. Гараж стал знаком того, что семья выбралась из длинной колеи застоя и начала действовать.

Никто не знал, чем занялась семья. Как потомки самых богатых лесопромышленников в Ханно, они унаследовали солидное состояние, но не любовь к обычным беззаботным развлечениям, которые так любили их предки. У красавицы и тихони Акико не было близких друзей. Время от времени она выходила из дома с толстой пачкой писем, но не относила их в старинное почтовое отделение со складской пристройкой через два или три дома от семейного особняка, а шла на главный почтамт около железнодорожного вокзала. Некоторые горожане смотрели на это с подозрением и перешептывались. Часть писем Акико отправлялась авиапочтой в разные уголки мира.

Глубокой ночью машина мчалась по широким ровным улицам Ханно. Кадзуо, старший брат Акико, сидел за рулем, рядом устроилась сестра. Родители, господин и госпожа Осути, расположились на заднем сиденье.

– Хорошо, что мы выехали пораньше, – подал голос отец, Дзюитиро. – Бывает, время трудно предугадать, поэтому всегда лучше иметь его в запасе.

– Правильно, – отозвалась жена Дзюитиро, Иёко. – Если мы опоздаем, наши друзья могут обидеться.

Все четверо не отрываясь смотрели через лобовое стекло в ночное небо, которое медленно разворачивалось перед ними между рядами низких неосвещенных домов. Всех четверых отличали одинаково красивые, чистые, как горный хрусталь, глаза.

На улицах не было ни души. Машина проехала городскую торговую палату, повернула направо, потом налево у полицейского участка, где при слабом освещении дежурила ночная смена, и вскоре подъехала к зданию муниципалитета, которое также служило городским автовокзалом. Белоснежное здание, прямоугольное и современное, выступало из густой темноты, окутавшей гору Ракан прямо за ним. Семья собиралась подняться на эту гору.

Гора Ракан возвышалась над уровнем моря на сто девяносто пять метров. В период Кодзи¹, во время правления императора Го-Нара, преподобный Оноя, первый настоятель храма Нонидзи, основал его на горе, называвшейся тогда Атаго. Позднее, в пятый год периода Гэнроку, Кэйсёин, мать Цунэёси, пятого сёгуна династии Токугава, пожертвовала храму шестнадцать статуй раканов². С тех пор это место стали называть Раканом.

¹ В традиционной японской системе летосчисления, которая действует наряду с западной, счет годам ведется по девизам правления императоров. Каждый император, вступая на престол, утверждает девиз (*нэнго*), под которым будет проходить его правление. Период Кодзи продолжался с 1555 по 1558 год, Гэнроку – с 1688 по 1704 год. Девиз правящего сейчас в Японии императора Нарухито «Рэйва» можно перевести как «порядок и гармония». – *Здесь и далее примеч. перев., кроме отмеченных особо.*

² *Ракан* (или архат) – первоначально ученики, которых наставлял сам Будда. Позднее так стали называть последователей Будды, достигших высшей ступени просветления. Считается, что раканы обладают сверхъестественными способностями, также они следят за соблюдением законов Будды.

Кадзуо припарковал автомобиль под большими окнами безлюдного здания. За темными стеклами тусклый свет уличных фонарей тянулся к нелепо высокому потолку и нескольким сотням кресел, стоявших внутри полукруглыми рядами. Эти пустые кресла были обращены к столь же пустой сцене с кафедрой. Две пустоты отражали друг друга, и казалось, из-за этого напряженное равновесие между двумя частями помещения поддерживалось сейчас куда лучше, чем днем, когда зал был заполнен людьми.

Кадзуо быстро заглянул в окна зала и пошел открывать багажник припаркованной машины. Вытащил рюкзак с едой и одеялом от холода, закинул за спину. Остальным предстояло нести на гору фотоаппараты, бинокли и термосы.

Акико легко соскочила с пассажирского сиденья. На ней были теплые серые брюки и яркий лыжный свитер, с шеи свисали концы шерстяного шарфа. Ее красивое белое лицо светилося в темноте, а накинутый на голову платок подчеркивал тонкие черты. Прохладный ночной воздух бодрил, и Акико принялась чертить перед собой световые круги серебристым фонариком, проверяя, хорошо ли он светит. Фонарик в ее руке казался каким-то хитроумным оружием.

За братом и сестрой из автомобиля выбрались Дзюитиро, натянувший поверх свитера еще и джемпер, и Иёко в толстом пальто поверх кимоно. Из-под воротника пальто виднелся шарф. Окончив университет по специальности «гуманитарные науки», Дзюитиро преподавал в школе, но недолго – у него вообще не было особой склонности к интеллектуальным занятиям. При этом красивое удлиненное лицо и очки придавали ему интеллигентный вид. Его костистый нос наводил на мысль об одиночестве и запустении, которые и распространял вокруг себя Дзюитиро. У Иёко, в отличие от мужа, лицо было теплое и доверчивое, самое обыкновенное, с простоватыми наивными чертами, которые отчасти передались сыну.

В темноте, не говоря ни слова, группа подошла к табличке с надписью: «Начало подъема» и двинулась по тропе вверх; лучи четырех фонариков рассекали мглу впереди. Тропу обступили островерхие кедры. Дальше уличных фонарей уже не было.

У подножия было практически безветренно, но чем выше они поднимались, тем громче становился шелест деревьев в ночи. Просветы между кедрами походили на глубокие колодцы, через которые взгляду открывались скопления сияющих звезд в ночном небе. Кадзуо шел впереди; острый луч его фонарика, шаря по сторонам, выхватил из темноты группу надгробий на придорожном кладбище. Тропа была широкая, подъем пологий, и путники сделали большой крюк, обходя надгробные камни. На полпути к вершине они вышли на открытую площадку. Свет фонариков упал на пустые скамейки и белевшие на земле обрывки бумаги.

Ночных птиц не было слышно. Когда семейство пересекло площадку, тропа сузилась, пошла круто вверх, и подниматься стало труднее. Поперек тропы лежали бревна, служившие опорой для ног, но камни и корни деревьев наступали со всех сторон, под лучами фонариков неровности казались еще больше, а тени от скал удлинялись и раскачивались. Ветер, гулявший в верхушках деревьев, шумел все громче.

Но всех четверых вдохновляла их благородная миссия. Даже женщины спокойно и бесстрашно шли вперед.

Лунной ночью в горах, конечно, было бы светлее. Вообще-то, накануне вечером луна появилась ненадолго, но быстро закатилась. Да и серпик новорожденного месяца был таким тонким, что мало бы помог, даже оставаясь на небе. Четверо путников, подбадривая друг друга, поднимались по крутой тропе. Будь это днем, подъем показался бы им детской забавой.

Наконец они вышли на небольшую лужайку; фонарики высветили четыре или пять обветшалых каменных ступеней сбоку. Ступени были проложены между темными кедрами и напоминали маленький водопад.

– Ну вот, добрались! Поднимемся по ступеням, там смотровая площадка, – отдуваясь, сказал Дзюитиро.

– Уложились в двадцать семь минут, – заметил Кадзуо, поднося к глазам светящийся циферблат часов.

Смотровая площадка представляла собой ровный каменистый клочок земли площадью около трехсот квадратных метров. В северной части стоял каменный знак в память о посещении горы Ракан императором, а дальше рос лес. С юга площадка была полностью открыта, и, за исключением двух-трех растрепанных веток сосны и верхушек густых низкорослых деревьев, ничто не закрывало простиравшееся до самого горизонта южное небо. Внизу, на востоке, мерцал россыпью огней Ханно, уступавший, однако, в яркости зелено-красно-желтой иллюминации военной базы «Джонсон», светившейся на горизонте.

– Сколько сейчас?

– Без семи четыре.

– Хорошо, что мы приехали до четырех. Хотелось быть на месте минимум за полчаса до начала.

Во время подъема все изрядно вспотели, но на вершине пот быстро высох, и путники поняли, что не стоит недооценивать предрассветный ноябрьский холод. Кадзуо вытащил из рюкзака потертое одеяло и расстелил на земле, а женщины отвернулись от ветра, завывавшего в лесу на севере, и старались устроить привал поудобнее. Иёко разлила по пластиковым стаканчикам горячий чай из термоса, развернула бутерброды. Наконец можно было полюбоваться усыпанным звездами небом.

– Как ясно сегодня. И без луны. Нам так повезло. – Голос Иёко срывался от чувств.

Над ними простиралось великолепное звездное небо, какого никогда не увидишь в большом городе. Звезды были вписаны в небосвод, как пятна на шкуре леопарда. Воздух был кристально чист, расположение звезд, далеких и близких, раскрывало истинную глубину ночного неба. Свет стекался в затянутые дымкой скопления, и наблюдателям казалось, будто кто-то забрасывает сети в туманную безбрежность звездного света. «Сколько звезд! Не сосчитать», – подумала Акико. Признаков рассвета еще не было. Млечный Путь пересекал горизонт под прямым углом, Большой квадрат Пегаса уже почти скрылся из виду. Непрерывное мерцание мириад звезд наполняло ночное небо сверхзаряженными вибрациями, сохраняющими звучание даже после того, как нота на струнном инструменте уже сыграна.

– Какая жалость! – Дзюитиро, как всегда, говорил громко. – Утром мы с вашей матерью не смогли увидеть наши родные планеты. Один взгляд на эти крошечные пятнышки света навеял бы столько забытых воспоминаний. Давно, когда я еще жил на Марсе, так же смотрел на Землю.

– В ноябре Марс не виден, – с прохладцей в голосе ответил Кадзуо. – Потому что всходит и заходит примерно в одно и то же время с Солнцем. А вот мамин Юпитер можно увидеть ранним вечером.

– Вчера было так много дел, вот и не посмотрела, – вздохнула мать. – Сегодня утром все сможем наблюдать свои планеты. Какое счастье! Просто нет слов.

– Моя уже скоро появится, – проговорила Акико, поворачиваясь к брату с ласковой улыбкой.

– И моя. Бедные земляне... Разве могут они сравниться...

– Тихо... – улыбаясь, предостерегла ее мать. – Такие вещи говорить нельзя. Здесь, среди нас, еще куда ни шло, этого никто не слышит, но, если скажешь что-то подобное в присутствии людей, можешь попасть в скверную историю.

На северной стороне, у них за спиной, словно морские волны, шумел ветер – трепал верхушки кедров и сосен, на минуту стихал, а потом взлетал и обрушивался на людей, как внезапно сошедшая лавина. Руки мерзли, но надо было держать аппаратуру – фотоаппараты и бинокли, поэтому надевать перчатки никто не стал. Ветер охапками бросал листья им в спину.

Послышался странный звук. Это дребезжала оцинкованная дверь в заброшенном киоске на площадке.

Созвездия медленно, незаметно для глаз, меняли расположение на небосклоне. На юго-западе висели три звезды Ориона, и линии, соединявшие их с расположенной ниже звездой Ригель, образовывали фигуру, похожую на старинного воздушного змея. Вся семья следила за световой игрой звезд, но что-то постоянно отвлекало внимание. Метеориты. Аэронавигационный маяк в горах на юге, которого они прежде не замечали. Фары велосипедов, проезжавших по главному шоссе префектуры, мерцали на тускло освещенных окраинах Ханно.

– Они сказали, что появятся на юге между половиной пятого и пятью. – Говоря это, Дзюитиро не отводил взгляда от южного участка неба; глаза его поблескивали за стеклами очков. – Еще десять минут.

Интересно, какие вести принесут *братья и сестры*? Какую священную тайну откроют?

Советский Союз наконец-то сумел испытать ядерную бомбу в пятьдесят мегатонн. Они собираются совершить чудовищное преступление, которое нарушит гармонию Вселенной. И если Америка слепо пойдет по их стопам... Конец человечества на Земле не за горами. Миссия нашей семьи – не допустить такого исхода. Но мы бессильны что-либо изменить, потому что миру, похоже, до этого нет никакого дела!

– Не отчаивайся, папа, – попробовал успокоить отца Кадзуо, продолжая наблюдать за небом в бинокль. – По сравнению с временными масштабами Вселенной период наших испытаний ничтожно мал. Я не верю, что земляне могут быть настолько глупы. В какой-то момент они осознают ошибочность своего пути, и придет пора, когда они примут наш образ мыслей о полной гармонии и вечном мире. В любом случае мы должны написать Хрущеву письмо как можно скорее.

– Акико его готовит. Ты почти закончила, да, дорогая? – спросила Иёко.

Ее красавица-дочь что-то буркнула в ответ, продолжая смотреть в звездное небо.

Наконец наступила половина пятого. Семейство в полной тишине с напряженным ожиданием смотрело на небо. Накануне рано утром Дзюитиро получил уведомление, что в этот час появятся несколько летающих тарелок.

* * *

Летом прошлого года семье Осуги вдруг открылось, что все они – пришельцы из космоса, явившиеся на Землю с разных небесных тел. Сверхъестественное озарение посетило сначала Дзюитиро, а через несколько дней уже владело как родителями, так и детьми. Даже Акико, которая поначалу сочла это шуткой, больше не смеялась.

Проще всего было предположить, что души инопланетян внезапно переселились во всех членов семьи и теперь полностью контролировали тело и дух каждого из них. В то же время, хотя они сохраняли в памяти четкие образы прошлых событий – например, рождения детей, – эти земные воспоминания разом превратились в фальшивые истории. Но и воспоминания о других мирах (то есть их настоящая история), к большому сожалению, были безвозвратно утрачены.

Дзюитиро был человеком праздным, однако отличался рассудительностью и благоразумием. Он считал, что для защиты своей семьи самое важное – не допустить, чтобы люди узнали об их инопланетном происхождении. Но как это скрыть?

Жизнь научила Дзюитиро тому, что чистоту и честность человека можно сохранить, только если не выставлять их напоказ. Его жене это не приходило в голову; дети были еще молоды, однако он уже делал все возможное, чтобы подготовить их к этой мысли. Пусть они гордятся инопланетным происхождением сколько хотят, но даже малейшее проявление высокомерия может сделать их крайне уязвимыми и поставить перед угрозой разоблачения людьми.

Важно, чтобы они всячески скрывали свое превосходство. Ведь люди нередко одержимы желанием выяснить, почему кто-то выделяется на общем фоне.

Дзюитиро не мог предвидеть, что из всех людей именно он в возрасте пятидесяти двух лет внезапно обретет столь ясное чувство своего высшего предназначения. В юности он страдал от комплекса неполноценности. Отец, человек крайне практичный, постоянно ругал его, и юноша искал спасения в теплом и добросердечном мире искусства. Пока отец был жив, Дзюитиро хоть как-то помогал в семейном деле. Но после смерти отца он больше не чувствовал никаких обязательств перед компанией и погрузился в праздную жизнь. Время от времени он сопровождал жену в Токио, где они посещали театры и выставки; сына и дочь отдал в токийские школы. В своем провинциальном городе, всего в часе езды на поезде от столицы, он создал тихую интеллигентную семью, которая жила обособленной жизнью.

И вот в один прекрасный день, когда Дзюитиро уже перешагнул рубеж пятидесятилетия, не имея никаких достижений, он без каких-либо усилий обрел благодать высшего понимания, которой лишены обычные люди. В нем пробудилось осознание своей миссии. Бесцельную первую половину своей жизни он теперь считал не столько ошибкой, сколько незавершенным, но безупречным состоянием, которое позволило вселенской истине остановить выбор на нем и призвать его трудиться ради всеобщего блага.

Прежде, предаваясь безделью, Дзюитиро смотрел, например, на деревья в саду и не мог перестать думать, почему ветви тоньше стволов и почему эти ветви, лишившись листьев, так изящно вписываются в голубое небо. Вид гигантских раскидистых вязов зимой напоминал ему подробную карту, на которую нанесена река с притоками. Казалось, деревья произрастают из источника, сокрытого где-то в небесах: их многочисленные ветви, каскадом спускаясь с водораздела в небесной синеве, сливаются в один черный ствол и вдруг принимают форму дерева. Возможно, такая картина рисовалась потому, что деревья – это застывшие в кристаллической форме мелкие реки, текущие с небес, а их ветви и обильная листва тоже тянутся вверх, стремясь найти путь обратно в небесное царство.

Но эти фантазии не означали, что Дзюитиро был поэтической натурой. Его иллюзорные представления о мире постоянно разбивались на мелкие кусочки, и он никогда не был полностью уверен в структуре и полезности вещей. Например, он долго размышлял о форме ножниц. Когда их раздвигаешь, два конца, закрепленные на поворотном винте, раскрываются веером и создают две противоположные друг другу области. Ножницы в руке человека легко делят мир на две части, создавая пространства, включающие горы, озера, города и океаны. Один щелчок острого металлического инструмента – и огромный кусок мира исчезает, а у тебя не остается ничего, кроме отрезанного клочка белой бумаги и инструмента, напоминающего странный птичий клюв.

Таким образом, мир расширяется и сжимается – внезапно оживает, а затем гаснет – в бесконечной череде неприятных трансформаций. Дзюитиро сомневался в эффективности повседневных инструментов и мелких задачах, которые они навязывают людям. В дождливый день он раскрывал над головой зонт, превращавшийся в непонятную черную конструкцию. Его раздражали изогнутая ручка и стальной каркас, безжалостно натянувший черный шелковистый купол, который того и гляди грозил лопнуть. А еще этот бесконечный, назойливый стук дождевых капель, ручьями стекавших с зонта и разлетающихся в разные стороны!

На углу переулка, недалеко от дома Осуги, была бондарная мастерская. В солнечные дни весь двор мастерской до самого переулка, обычно безлюдного, застилала соломенными циновками, и двое или трое рабочих принимались стучать молотками, сколачивая новые *офуру*³.

³ *Офуру* (*о-фуру*) – один из видов традиционной японской бани, состоящей из кедровой либо дубовой парной бочки и двух ящиков: один с подогретой смесью хвойных опилок, трав и эфирных масел, второй – с горячей галькой. В бочке парятся полулежа, по грудь в воде. Дома могут ставить как весь комплекс, так и одну парную бочку. Перед тем как париться, принимают душ, поэтому семья может принимать ванну по очереди, не меняя воду. Современные *офуру* часто делают с

Проходя мимо, Дзюитиро представлял, как в этой бочке будет купаться целая семья – муж, жена, дети, – и его тошнило. Он как наяву видел голые дряблые тела с клочками волос и пятнами белой мыльной пены на поясице. И все эти люди были очень довольны жизнью.

Всякий раз, приезжая с женой в Токио, Дзюитиро испытывал смятение при виде растущих как грибы огромных новых зданий, в окнах которых даже днем горели люминесцентные лампы. И за каждым окном люди о чем-то громко говорили, выполняли какую-то работу. Но с какой целью?

Дзюитиро чувствовал, что миру остро не хватает целостности. Все здесь было разрозненно. Никакой связи между рулем и шинами в автомобиле, никакой связи между мозгом и желудком в человеке.

Дзюитиро обладал доброй и ранимой душой, и ему трудно было с безразличием смотреть на этот расколотый мир. Холодная война и глобальная нестабильность, фальшивый пацифизм, люди, скатывающиеся в глупость и невежество в поисках временного облегчения, видимость экономического процветания, безумный гедонизм, женоподобное тщеславие мировых политических лидеров... Все это кололо его пальцы, как шипы роз, к которым непроизвольно тянулась рука.

Позже Дзюитиро стал воспринимать все эти неувязки как предвестие того, что он удостоен чести взять на себя тяжелую ответственность за мир, оказавшийся в таком бедственном положении. Кто-то должен за это пострадать, думал он. Должен быть хоть один человек, готовый босиком пройти по разбросанным на земле осколкам стекла, рая ноги в кровь.

Когда он слышал о лежащем на дороге окровавленном ребенке, которого сбил автомобиль и уехал, или о крушении поезда с десятками погибших и искалеченных людей, или о сильном наводнении, смывшем сотни домов, он содрогался, мучимый угрызениями совести. Он жил на той же самой земле, в том же раздробленном мире – так как же он мог оставаться непричастным ко всем преступлениям и бедам? Но возможно, его искренние душевные страдания и переживания были ключом к восстановлению целостности окружающего мира. Однажды утром, сорвав с куста цветок камелии, Дзюитиро подумал, что где-то на этой планете из-за какого-то таинственного стечения обстоятельств (возможно, связанного с этим самым сорванным цветком) кого-то вдруг сбивает десятитонный грузовик.

Но как могло его собственное тело не чувствовать боли? Если страдания отдельного человека, корчащегося в предсмертной агонии, не вызывают в остальном человечестве ни малейшего волнения, как такое может быть? Физические страдания всегда остаются уделом того, кто их испытывает. Оказавшись перед лицом столь очевидного факта, Дзюитиро погрузился в глубокое отчаяние. Почему даже страшные мучения из-за атомной бомбы сводятся к личным страданиям? Ограничивается ли ее воздействие только физическим фактором? Дзюитиро думал, что точно знает, почему человек, сбросивший бомбу, лишился рассудка. Этот человек не был способен почувствовать малейшую боль, даже зуд, и это, должно быть, свело его с ума.

В то самое время, когда Дзюитиро начал осознавать мелочность и ограниченность собственных страданий и стыдиться своего высокомерия, ему попала на глаза изданная в Лондоне книга «Родина летающих тарелок».

До сих пор Дзюитиро почти не интересовался такими вещами, но, прочитав эту книгу, особенно историю знаменитой встречи капитана Мантелла с НЛО, твердо уверился в существовании летающих тарелок.

Инцидент произошел в районе американского военного аэродрома Годмен, расположенного на военной базе Форт-Нокс, штат Кентукки. Седьмого января тысяча девятьсот сорок восьмого года капитан ВВС США Томас Фрэнсис Мантелл погиб, преследуя летающую тарелку.

В тот день, примерно в два тридцать пополудни, военная полиция Форт-Нокса получила от федеральной полиции сообщение о том, что в сторону авиабазы Годмен летит необычайно крупный объект. Он был замечен над Мэдисоном, штат Индиана, в ста пятидесяти километрах от Годмена. В Мэдисоне его видели несколько сотен человек.

Получив это сообщение от военной полиции около трех часов, офицеры базы неотрывно наблюдали за воздушным пространством. Погода была облачная с редкими прояснениями. Вдруг на юге, в разрыве облаков, появился гигантский металлический объект, на мгновение сверкнул на солнце и так же быстро исчез. Тут же был дан приказ направить на перехват три истребителя под командованием капитана Мантелла.

Все офицеры в диспетчерской башне видели *это*. Оно имело форму огромного диска, а верхняя часть напоминала перевернутый конус, на вершине которого мерцал красный огонек.

В восемь минут четвертого пилоты двух вылетевших на перехват самолетов связались с диспетчерской башней и сообщили, что сблизившийся с объектом капитан Мантелл продолжает преследование объекта и его самолет исчез в облаках.

Примерно через пять минут в диспетчерской башне по громкой связи раздался голос Мантелла: «Объект набирает высоту. Увеличивает скорость. Двигается с той же скоростью, что и я. Триста шестьдесят миль в час. Поднимаюсь до высоты семь тысяч метров. Если не смогу сблизиться, прекращу преследование».

Это были последние слова капитана Мантелла. Через несколько минут его F-51, судя по всему, развалился в воздухе; позже раскиданные обломки были обнаружены в радиусе нескольких километров.

Среди свидетелей этого происшествия оказалось немало специалистов. Было собрано множество подтверждающих материалов, поэтому вероятность того, что увиденное сотнями людей представляло собой плод воображения, полностью исключалась. Продолжив чтение, Дзюитиро пришел к выводу, что в той летающей тарелке находились жители другой планеты. С этого дня он с головой ушел в изучение НЛО и читал все книги на эту тему, какие мог найти. Его терпеливые и любознательные домочадцы штудировали книги отца, передавая их друг другу, и так летающие тарелки и инопланетяне стали любимой темой семейных разговоров.

И вот летом прошлого года случилось нечто незабываемое. Все началось с Дзюитиро.

Он спал на втором этаже и проснулся посреди ночи, услышав чей-то голос. Иёко заметила, что муж встал с кровати, но не увидела в этом ничего необычного – он нередко спускался в туалет – и тут же снова заснула.

Дзюитиро в пижаме вышел из дома. Почти полная луна ярко освещала переулок. Позже он вспоминал, как четко лунный диск отражался в запыленном лобовом стекле трехколесного грузовичка, припаркованного около лесопилки неподалеку от их дома.

Пройдя немного, он вышел к нерегулируемому переезду через железнодорожную линию Сэйбу. Красный гравий по обе стороны от путей был усыпан серебряной пылью, стертой с рельсов проходившими поездами, и она красиво сверкала под лунным светом. Дзюитиро перешел через пути и двинулся дальше, не имея понятия, куда идет. Он шагал по наитию, будто кто-то тянул его за ниточку.

За железной дорогой простирался большой пустырь, где, по-видимому, собирались строить фабрику. Единственным признаком человеческой деятельности на этом пустыре, поросшем густой травой, был грязный брезентовый навес, под которым лежали какие-то строительные материалы. Ступив в высокую траву через дыру в ограждении из колючей проволоки, Дзюитиро почувствовал, как ноги сразу промокли от росы. Уши наполнил гул бесчисленных насекомых.

И вдруг они разом смолкли. Он взглянул на небо. Над крышами невысоких окрестных домов, наклонившись под углом, висела летающая тарелка.

Светло-зеленая, эллиптической формы, она казалась абсолютно неподвижной. Дзюитиро не сводил с нее взгляда, пока корпус тарелки с одного края не сменил цвет на оранжевый. Прошло секунды четыре или пять. Тарелка внезапно дрогнула, завибрировала, стала полностью оранжевой, взмыла в небо под углом сорок пять градусов и стремительно унеслась на юго-восток. Из шара величиной с полную луну она в мгновение ока уменьшилась до размера рисового зернышка и растаяла в ночном небе.

Пораженный увиденным, Дзюитиро сидел на траве, и по щекам его текли слезы. Он чувствовал, что появление летающей тарелки, это мимолетное видение, свидетелем которого он стал, всколыхнуло самые глубокие воспоминания и наполнило его неведомой силой.

За те несколько секунд, когда летающая тарелка находилась в поле зрения, он испытал всепоглощающее чувство высшего блаженства. Оно возникло как результат бесспорного осознания того, что расколотый мир в мгновение ока исцелился, обрел ясное чувство гармонии и единства. Небесный клей молниеносно соединил разбитые осколки, и мир вновь засиял, как хрустальный шар, в состоянии безупречной целостности. Сердца людей слились воедино, прекратились раздоры, и ощущение удушья – Дзюитиро казалось, что он на грани смерти, – сменилось спокойным, ровным дыханием.

Подумать только, второй раз в жизни Дзюитиро увидел такой мир! Он уже наблюдал эту картину своими глазами в далеком прошлом. Где же это было? Сидя на траве, в промокшей от росы пижаме, он перебирал свои воспоминания. В его памяти всплывали разные образы из детства. Флаги на рынке, марширующие солдаты, носорог в зоопарке, его рука, перемазанная клубничным джемом из банки, странные лица, проступающие из узоров древесины на потолке... Как старые экспонаты, которые заполнили обе стороны коридора памяти, уходившего вверх. В конце коридора – распахнутые двери, а за ними только усыпанное звездами небо. Коридор пролегал под тем же углом, под которым отправилась в путь летающая тарелка.

«Вот откуда взялись мои воспоминания», – думал Дзюитиро. Просто до сих пор он не замечал очевидного.

Но теперь он знал. Он не землянин, это точно. Летающая тарелка доставила его с Марса на Землю, чтобы спасти эту планету, оказавшуюся в критической ситуации. Высшее блаженство, которое он испытал при виде инопланетного корабля, очевидно, было связано с каким-то обменом между Дзюитиро, каким он был до той встречи, и экипажем летающей тарелки.

Эти размышления так вымотали Дзюитиро, что у него слипались глаза. Он встал и, пошатываясь, направился обратно тем же путем, каким пришел.

Утром он проснулся в своей постели. Жена ничего не подозревала о его ночной прогулке.

Весь день Дзюитиро переполняло счастье, но он никак не мог решить, стоит ли говорить семье о том, что пережил ночью. В конце концов сдерживать радость стало невозможно, и он рассказал все за ужином. Акико смеялась громче всех.

Но тем же вечером то же самое случилось с Кадзуо, а на следующее утро Иёко, проснувшись раньше всех, тоже видела серебристую летающую тарелку.

Акико все смеялась.

На следующий день, возвращаясь из университета, она сошла с электрички на станции Ханно. Сразу идти домой, где все помешались на инопланетянах, ей не хотелось, поэтому она остановилась на полпути и поднялась по ступеням к окруженному деревьями храму Хатиман. Было еще светло, воздух свеж, и она решила подготовиться здесь к завтрашним занятиям. Вокруг никого не было, в тенистых зарослях кедровника громко стрекотали цикады, и стояла приятная прохлада.

По каменным ступеням, проложенным в северном направлении, Акико прошла до ворот-*торий*⁴ в глубине храмового комплекса. И тут ее внимание привлекла белая точка, мер-

⁴ *Тории* – П-образные ритуальные ворота без дверей в синтоистских святилищах и монастырях, красного цвета либо

цавшая в небе над залом поклонения. Приглядевшись, Акико поняла, что точка зависла где-то над перевалом Коматогэ. Поначалу она приняла ее за звезду, хотя еще было светло.

Но эта звезда совершала странные маневры и вдруг остановилась над головой Акико. Та стояла на просторном дворе безлюдного святилища, окруженного кедами, а над ней переливалось серебром и медленно кружило над деревьями что-то круглое. Акико задрожала.

Оно перемещалось по спирали, сужая витки; нижняя часть его была серебристо-серого цвета с зеленоватым отливом и сияла, словно драгоценный камень. Акико чуть не вскрикнула. Этот непонятный объект выглядел воплощенным упреком за ее недоверие и насмешки над рассказами родителей и брата.

И тут в одно мгновение объект исчез из виду, растворился, как призрак.

С того дня Акико больше не смеялась. Она убедилась, что прибыла с Венеры, а ее семья – это внеземной межпланетный клан.

Следующие полгода Дзюитиро делал все возможное, чтобы скрыть от людей истинное происхождение своего семейства. Он наставлял детей серьезно относиться к учебе и вести себя, как обычные земляне, строго придерживаться принятых норм и обычаев. Особенно настаивал, чтобы Акико научилась рукоделию и готовке. Дзюитиро хорошо знал, что в жизни мало быть просто честным человеком с чистыми помыслами.

Перемены в семье заметнее всего отразились на Акико. Узнав о своем венерианском происхождении, она стала хорошеть на глазах. Акико всегда была красива, но это не влияло на ее характер и поведение: она не придавала особого значения своей внешности. Однако теперь, когда она узнала, откуда происходит ее красота, ее облик приобрел утонченность и холодность. Соседи сплетничали, теряясь в догадках, не встретила ли она кого-то, но Акико выказывала полное пренебрежение к противоположному полу.

Члены семьи здоровались с соседями с улыбкой, хотя делали это только из приличия. Все четверо были сдержанными по натуре, и их натянутые улыбки отталкивали соседей, которые сторонились их еще больше, чем прежде.

– Знаешь, папа, в переполненной электричке люди толкаются вовсю, но я больше не обращаю внимания. Мне кажется, что я смотрю на всю эту суету сверху. Только мои глаза могут видеть все ясно, только мои уши слышат музыку небес. А эти потные людишки ничего не понимают, они не представляют, что их судьбы на самом деле в моих руках.

Слушая веселый голос сына, Дзюитиро чувствовал грозящую опасность. Если бы толпа могла читать мысли Кадзуо, она бы ему не простила. Его бы просто убили.

– Веди себя, как все, – мягко увещевал он сына. – Как самый обычный человек, даже если тебе это очень неприятно. Люди, стоящие выше других, обязаны поступать именно так. Это единственный способ защитить себя.

Миновало полгода, пришла весна, и мнение Дзюитиро резко изменилось. Чтобы выполнить свое предназначение, говорил он теперь, нужно не тратить время на сокрытие их тайны, а делать все возможное для поиска родственных душ. Мир стоит перед лицом страшной угрозы, размышлял Дзюитиро, а он остается рабом старомодных семейных чувств и трусливо замыкается в себе.

Он долго ломал голову, как поступить, и в конце концов решил разместить в колонке «Мир увлечений» одного бульварного журнала такое объявление: «Если кто-то интересуется

, откликнитесь. Отдадим все силы во имя мира во всем мире».

 – символ, придуманный Дзюитиро для обозначения летающих тарелок. Удивительно, но большинство откликнувшихся на объявление людей угадали его значение. Авторы

восьмидесяти процентов писем, пришедших со всех уголков страны, предположили, что он обозначает летающую тарелку.

Дзюитиро выпустил брошюру, которую домочадцы размножили на гектографе, и завязал регулярную переписку с людьми из разных мест. В начале лета он избавился от всех ценных бумаг, оставленных ему отцом, и перевел деньги на банковский депозит, чтобы обеспечивать будущую деятельность. Как раз перед продажей его акции и другие активы резко взлетели в цене – в пять раз. А позднее, к концу лета, произошел серьезный финансовый спад. После этого семья безоговорочно поверила, что им помогает кто-то свыше.

До сих пор летающие тарелки показывались членам семьи по отдельности и в особых ситуациях. Разумеется, они верили рассказам друг друга о встречах с НЛО, но еще ни разу не наблюдали за тарелками все вместе. С лета Дзюитиро, как глава семьи, постепенно разбирался с вопросом о том, как общаться с инопланетянами, и мечтал, чтобы семье представился шанс вступить с ними в контакт всем вместе.

Накануне, рано утром, он наконец-то получил уведомление о предстоящей встрече.

* * *

– Нельзя терять время. Хрущев и Кеннеди должны немедленно встретиться за самым простым завтраком. Без деликатесов. Излишества в еде притупляют разум. – Дзюитиро разговаривал сам с собой, с силой потирая оочевенные на холоде руки. Похоже, он устал наблюдать за небом и уже терял терпение. – Все, что требуется, – снять трубку телефона на столе и сказать одно слово: «Вашингтон». Они должны отбросить никому не нужное самолюбие и все проблемы, в которые сами себя втянули, и начать серьезный разговор о будущем человечества. А потом уже говорить о том, как варить яйца всмятку. Они так далеки от повседневной реальности, что ведут мир к катастрофе. Таким же был мой отец. Поэтому я вижу их насквозь. Жизнь отца была настолько далека от вещей, которые нас окружают, – всех этих ножниц, зонтиков, садовых деревьев, овощного салата, – что он просто не замечал их, проходил мимо. Точно так же звезды не обращают внимания на людей... Прекращение ядерных испытаний, разоружение и берлинский кризис надо обсуждать, как мы обсуждаем яйца всмятку, печеные яблоки и хлеб с изюмом. Если смотреть на вещи с высоты Вселенной, все они имеют одинаковую ценность. Мы должны убедить в этом людей. Земляне совершают убийства именно потому, что считают это очень важным делом и не могут устоять перед таким искушением... Хрущеву и Кеннеди после завтрака надо будет собрать оставшиеся крошки, положить салфетки на стол и выйти из комнаты рука об руку. Они должны объявить ожидающим под утренним солнцем репортерам: «Мы едины в своем мнении. Человечество должно жить и процветать»... Голуби и военные оркестры не потребуются. Как только эти слова прозвучат, наступит ясный освежающий день. Вся Вселенная поймет, что с этого мгновения Земля стала прекрасной звездой. Как вам это? Почему бы нам всем вместе поскорее не протянуть мировым лидерам руку помощи?

Он договорил, потом со вздохом добавил:

– Конечно, если нам хватит сил. Как печально, что я получил такое слабое человеческое тело. Но видимо, в этом и заключается особый план Вселенной.

Его жена и дети молчали. Их взгляды были прикованы к южной части небосвода.

Если верить современной ненадежной астрономии, температура на поверхности Юпитера около ста градусов ниже нуля, но Иёко, уроженка этой планеты, дрожала, кутаясь в одеяло, беспомощная перед слабым холодом Земли. Политика ее почти не интересовала. Если мир преобразуется и все установится так, как хотел ее муж, ей в этом улучшенном мире, вероятно, поручат налаживать домашнее хозяйство. Иёко любила злаки, которые в изобилии произрастали на Земле. Сладковатый аромат пшеничных полей летом, золото склонившихся рисовых колосьев осенью стоило сохранить ради землян навсегда. На какой бы планете ни оказалась

Иёко, ее, скорее всего, поставят отвечать за кухню. Но она не была уверена, что справится с двумя разными видами блюд – Юпитера и Земли.

Кадзуо переводил бинокль с одного участка неба на другой, и всякий раз обманывался, принимая за летающую тарелку блеск какой-нибудь звезды.

Он пытался сосредоточиться, но разговоры отца отвлекали. Сердце Кадзуо переполняло решительное стремление к власти, которое черпало силу из смеси искренних добрых намерений и сентиментальной привязанности к Земле, на которой он жил. Кадзуо мечтал о некоей чистейшей форме власти, способной поддерживать на этой планете вечный мир. Такой власти здесь еще никогда не было, поэтому землянам нужны наставления от других планет. Более того, эта власть не имела религиозной или духовной природы, но была безупречной, чистой, как новое полотенце, и способна управлять реальной жизнью.

Акико не обращала внимания на других и сосредоточилась на восточной части небосвода. Если летающие тарелки запаздывают, возможно, они появятся с другой стороны?

От холода по спине Акико то и дело пробегали мелкие мурашки. Она нанесла на губы толстый слой помады, чтобы не обветрились. Кончики пальцев онемели от холода, помада, конечно, могла расплыться, но что оставалось делать? Смотреться в карманное зеркальце, подсвечивая его фонариком? За это она бы точно получила нагоняй от родителей.

Теперь, зная, что она родом с Венеры, Акико постепенно смирялась с приятным томным безразличием, присущим ей от природы. Если внимательно присмотреться, в ее холодно-сти, вероятно, можно было заметить легкое ленивое самодовольство умного и независимого зверька. У нее была сильная черта – никакого корыстолюбия, она легко отказывалась от желаний. Акико была за то, чтобы дать Земле мир. Это то же самое, представлялось ей, что дать чумазому ребенку сладкую булочку.

* * *

Было уже почти пять, однако в южной части небосвода все еще не появилось никаких признаков летающих тарелок. Но никто не роптал.

Как им хотелось увидеть в небе вызывающие ностальгию красноватые диски, смотреть, как они становятся бледно-зелеными и устремляются в другом направлении. Если бы они впервые увидели это всей семьей, их общее стремление спасти Землю только окрепло бы. Даже если инопланетные корабли не принесут новых откровений, само их появление придаст семье сил. Все четверо думали об этом, каждый на свой лад.

Северный ветер за их спинами завывал все сильнее. Кадзуо взглянул на светящийся циферблат часов. Светло-голубые стрелки показывали пять утра.

– Ничего страшного. Я же говорил, иногда они неточно рассчитывают время.

Голос Дзюитиро звучал глухо и хрипло. В глубине души все чувствовали, как их воодушевление угасает, будто охлажденное космическим ветром, овевающим безжизненные небесные тела. Они внезапно разбежались по своим углам. Гармония и единство, звучавшее в них, как музыка идеально настроенного *кото*⁵, вдруг оборвались, точно струны, и звуки умерли.

И тут раздался звонкий голос Акико:

– Я ее вижу!

– Что? Где? – Родители и брат в восторге перевели взгляд на восток.

⁵ *Кото*, или японская длинная цитра, – традиционный японский щипковый музыкальный инструмент с тринадцатью струнами и подвижными подставками для настройки под каждой струной. Прототипом стал семиструнный китайский *гуцин*, завезенный в Японию из Китая в период Нара (710–793). Расцвета *кото* достиг в эпоху Хэйан (794–1185) и по сей день остается одним из важнейших элементов японской музыкальной культуры. – *Примеч. ред.*

Но это была не летающая тарелка. Акико увидела красное сияние Венеры, встававшей над горизонтом на востоке.

– Я имела в виду, что вижу родную планету, – пояснила она.

Родители из доброты не стали бранить красавицу-дочь и порадовались за нее, благословив появление ее родной планеты, а затем вновь устремили долготерпеливые взгляды на юг. Кадзуо тем временем распознал скромное свечение своей планеты – Меркурия, поднимавшегося левее одновременно с Венерой. Оторвавшись от бинокля, он радостно воскликнул:

– Я тоже вижу свою!

Вид этой крошечной светящейся точки придал ему сил.

Брат и сестра не могли оторвать глаз от восточной части неба. Восход Венеры и Меркурия выглядел величественно и торжественно. Красноватый ореол Венеры постепенно бледнел, сменяясь той же прозрачной белизной, которой сиял Меркурий.

Две планеты висели над грядой темно-лиловых облаков, силуэты деревьев вокруг площадки медленно проступали из темноты. Их очертания мягко вырисовывались на фоне неба, а тени трепетавших на ветру листьев навевали грусть. Звезды начали меркнуть, но утренняя заря еще сохраняла цвет красно-бурых бобов, не желая розоветь. Над горизонтом на востоке клубились облака разных оттенков – от чернильно-черных до фиолетовых.

– Не удивлюсь, если они появятся, когда совсем рассветет. С тобой ведь так было? – обратился Дзюитиро к жене.

– Да. Моя появилась после того, как принесли газеты.

Дзюитиро смутно видел лицо Иёко – четко выделялись только клетки на шерстяном одеяле, в которое она завернулась. Но он и представить себе не мог, что первые проблески рассвета способны принести в сердце такую пустоту.

Осенние листья, разбросанные утренним ветром, были хорошо видны на неровной каменистой земле. Дзюитиро с тревогой подумал, что чем светлее становится, тем отчетливее из предрассветного сумрака проступают предметы, которые он не заметил при подъеме на гору.

«Еще рано. Не будем отчаиваться», – говорил он себе.

Иёко сдаваться не собиралась.

Стрелки на циферблате часов Кадзуо показывали половину шестого – это уже можно было различить без подсветки. Облака на востоке окрасились бордовым, небо наливалось бледной белизной, на юго-западе отчетливо вырисовывался горный хребет, три звезды Ориона побледнели, но все еще были видны.

– Гляди! Мой дом исчезает. Постепенно растворяется... – Акико потрясла брата за плечо.

– Мой тоже.

Рассвет разгорался нерешительно – сначала приобрел цвет засушенного цветка горького апельсина, который сменился огненной киноварью, поглотившей свет Венеры и Меркурия.

По замерзшим щекам Акико потекли слезы.

– Моя звезда...

Бледные белые крыши деревенских домов одна за другой проступали из темноты внизу, зазеленели горы. Первый поезд линии Сэйбу, отправлявшийся в пять пятьдесят, светящейся нитью протянулся между деревьев в предгорьях. На юго-западе за меланхоличным горным пейзажем, словно сошедшим с медной гравюры, возвышалась белоснежная вершина Фудзи.

– Сколько сейчас? – обратился Дзюитиро к сыну. – О! И на моих часах уже видно. Шесть? Уже час прошел после назначенного времени. Скорее всего, ничего не будет. Мы ждали, но они так и не появились... Однако я не исключаю, что именно так они хотели нам что-то сказать. Возможно, это испытание. Проверка, насколько мы как инопланетяне отважны и терпеливы.

– Папа, мы столько сил потратили, чтобы добраться сюда, – сказал сын, которому хотелось подбодрить Дзюитиро. – Давайждемся рассвета. Они могут появиться в любую минуту.

– Ты прав. Еще рано сдаваться.

Со стороны Ханно, где все еще горели уличные фонари, донесся бой часов. Шесть утра. Взгляду открывалась свежая зелень полей, белые стены складов и амбаров; мимо с карканьем пролетело несколько ворон. С юго-западной стороны от горы Саннотогэ к югу тянулся хребет – его снежные вершины скрывали облака, уже окрасившиеся в алый.

На востоке облака сгущались. В разрывы между ними, как сквозь улыбающиеся губы, пробивались багряные световые столбы.

– Что бы ни случилось, мы не должны терять веру, – сказала Иёко. Обычно она не спешила озвучивать свои мысли, но на этот раз продемонстрировала твердость человека старой закалки. – Это земляне сначала берутся за дело, а потом разочаровываются, падают духом. Теряют уверенность в себе. Для них нормально сдаваться. Но мы же с вами не люди. Нельзя об этом забывать. Ни на минуту.

Солнце наконец прорезало облака и явило миру свой сияющий лик. Первая вспышка света, словно копье, пущенное могучей рукой, вонзилась в юго-западный склон вершины Фудзи, мгновенно окрасив его в розовый цвет.

2

Акико закончила английскую версию письма Хрущеву через несколько дней после того, как семья поднялась на гору. Сначала она написала письмо на японском, а когда Дзюитиро добавил несколько цветистых выражений, перевела, поскольку занималась английской литературой. Они опасались, что письмо на английском может не понравиться русским, но никто в семье не знал русского языка, а обращаться к кому-то за помощью не стоило.

Первому секретарю Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, Его Превосходительству господину Хрущеву.

Мы узнали, что недавно Вы провели испытание ядерной бомбы мощностью пятьдесят мегатонн. Это настолько нас обеспокоило, что мы вынуждены обратиться к Вам с этим письмом. Мы прочитали в газетах, что сразу после испытания опасные для здоровья человека радиоактивные вещества выпали вместе с дождем на Дальнем Востоке, в Японии, где мы проживаем, что еще больше усилило нашу озабоченность. Сразу хотим сказать, что мы решились обратиться к Вам с посланием не только как отдельные граждане Японии. Настоящее письмо выражает требования и предостережение от имени всего человечества, а точнее, той части Вселенной, которую называют Млечным Путем. Мы, представители различных планет, проживающих на Земле, не можем смолчать и оставить Ваши действия без ответа.

Ваше Превосходительство! Конечно, мы не возлагаем на Вас личную ответственность. Мы стоим перед проблемой, имеющей огромную важность не только для человеческой цивилизации, но также для порядка и мира во Вселенной. В настоящее время человечество вступило в конфликт с высокоразвитой цивилизацией, которую само же создало, и оказалось перед выбором: либо разумно управлять этой цивилизацией, держать ее под контролем, либо превратиться в ее рабов и от нее погибнуть. Вашим врагом является не Америка, а вы сами. Главный враг человечества – само человечество. Если бы Вы, Ваше Превосходительство, сумели преодолеть себя и во имя спасения Земли и человечества от уничтожения набраться мужества, чтобы навсегда избавить мир от угрозы войны, которая может разразиться в результате случайного нажатия кнопки, Вы заслужили бы честь называться величайшим спасителем в истории человечества. Америка свои руки уже замарала, сбросив атомную бомбу на Хиросиму. Это грязное пятно навсегда останется в ее истории. Но зачем Вы соперничаете с Америкой, чтобы замарать и свои руки? На Америке лежит неизгладимый грех за преступление против человечества. Почему бы Вам не поступить мудро – отвернуться от нее, оставив свои руки незапятнанными? Еще не поздно. Звезды над нами день и ночь следят за судьбой Земли. Горько сожалеть о том, что половина планеты уже загрязнена, мы не теряем надежды, что когда-нибудь вернется ее чистота и она снова станет прекрасной звездой...

Дочитав письмо до середины, Дзюитиро, как обычно, похвалил себя:

– Блестяще! Мне очень нравится, что в письме нет нравоучительного тона, присущего религиозным фанатикам. Оно написано умно – с вдохновляющим человека уважением. Нельзя говорить с такими личностями так же, как мы разговариваем со своими соратниками. С

людьми надо общаться с учетом их логики и психологии. Для этого требуется терпение, вроде того, когда нянчишься с глупым щенком или занимаешься каким-нибудь искусством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.